

А. И. Аргентов

**Путевые записки священника Андрея
Аргентова**

Восточная Сибирь

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. И. Аргентов**
Путевые записки священника Андрея Аргентова: Восточная Сибирь / А. И. Аргентов – М.: Книга по Требованию, 2012. –
48 с.

ISBN 978-5-458-10383-1

ISBN 978-5-458-10383-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

жизни. И помнится мнѣ теперь чрезъ много лѣтъ, съ какимъ наслажденіемъ слышалъ я въ Нижнеколымскѣ столь близкіе душѣ и сердцу родные звуки отечественной рѣчи, которая долго-долго оставалась для меня какъ бы забытою. По тракту отъ Якутска до Колымы (8 пр. къ гл. 1) господствующее племя— якуты и русскій говоръ не въ ходу. Но тѣмъ пріятнѣе, что въ Нижнеколымскѣ уже и самые якуты, забывъ свой собственный языкъ, изъясняются по русски.

По прибытіи къ мѣсту назначенія, первыя занятія мои состояли въ обзорѣннн церкви и прихода, а также въ собраніи свѣдѣній по дѣламъ вѣроисповѣданія.

Церковь здѣсь деревянная. Устроена въ 1779, освящена въ 1786 г. Въ ней три престола, главный во имя Всемиловитваго Спасителя. Утварь взята отъ упраздненной предъ тѣмъ церкви Анадырской, и отъ староострожной часовни Нижнеколымской. Утварь хорошая. Есть три погира изъ чистаго серебра съ густою позолотою; такое же кадило; такія же двѣ на-престольныя дарохранильницы, изъ коихъ одна вѣситъ 14 фунтовъ. Есть и другія хорошія вещи. На содержаніе церкви получается изъ казны по 46 руб. въ годъ, на содержаніе причта по 414 руб. ежегодно на всю братію (священникъ съ двумя дячками). Такія деньги, что на ржаные сухари не хватаетъ. Благо, тамъ ржанаго хлѣба люди не ѣдятъ. Рыбою питаются преимущественно, да мясомъ разнымъ.

Границы прихода: къ востоку Чаванскій край, къ югу — верховье Омолона (рѣка), къ западу—локотина рѣки Алазеи, къ сѣверу—Ледовитое море. Отъ сѣверной границы до южной около 700 верстъ и столько же отъ западной границы до восточной.

Общая покатость страны отъ юга къ сѣверу. Главныя рѣки—Колыма, большая Чукочья и протокъ Алазеи текутъ въ Ледовитое море. Омолонъ и два Анюя впадаютъ въ Колыму. Озеръ множество, воды прѣсныя, изобилуютъ рыбою.

Численность прихожанъ въ 1843 году простиралась до 1860 душъ обо-его пола. Въ томъ числѣ 650 человекъ русскихъ (казаки, мѣщане, крестьяне, поселенцы) и 1210 инородцевъ — юкагиры, якуты, чуванцы, тунгусы, коряки. Кромѣ сего здѣсь же превитаютъ до 200 человекъ — ламуты прихода Среднеколымскаго и каменнаго рода юкагиры прихода Ожогинскаго. Находомъ появляются ламуты Верхоянскіе и Ламскіе (отъ Лама—море).

Управляться съ такимъ обширнымъ разношерстнымъ приходомъ—дѣло не легкое и тѣмъ болѣе, что сообщеніе самое затруднительное. Дорогъ нѣтъ, лошадей очень мало, оленей недостаточно, собаки служатъ не вездѣ. Ъзда на собакахъ имѣетъ важную невыгоду въ путевомъ прокормѣ. Самый родъ кочевой бродячей жизни тунгусовъ, хотя и согласный съ условіями страны, въ экономическомъ и географическомъ отношеніи—не выгоденъ для сообщенія. Иногда сутки двой-трои ѣдешь на задуманное урочище, и никого тамъ не находишь: либо еще не прикочевали, либо укочевали.

Въ 1843 году я совершилъ по приходу восемь поѣздокъ:

По каменной Колымѣ до верховья малой Чукочьей рѣчки впередъ и обратно верстъ	250
По сухарной Колымѣ до маяка	240
По Омолону до Середкиной	360
Въ Пантелеиху	100
Въ Баеково	70
Ко кресту по Анюю	60
Въ Онболиху	60
До рѣки Алазеи къ тунгусамъ	850

Всего—водою и сухимъ путемъ совершено 1990 верстъ. Кажется довольно бы, а между тѣмъ и четвертую часть прихода обозрѣть не удалось. Не былъ въ верховьяхъ Омолона, ни въ верховьяхъ Анюя, во многихъ другихъ мѣстахъ не былъ въ 1843 г., да и послѣ не былъ никогда.

Цѣлію странствованій было — доставить прихожанамъ возможность и случай къ исполненію христіанскихъ надобностей. Я крестилъ, вѣнчалъ, отпѣвалъ, молебны служилъ, молитву на всякую потребу читалъ. И такъ какъ большая часть инородцевъ никогда не были у исповѣди и святаго причастія,—я ихъ пріобщалъ запасными святыми дарами, согласно благочестивому желанію ихъ, съ соблюденіемъ церковныхъ правилъ, по возможности.

Изъ путевыхъ случаевъ этого времени можно упомянуть о слѣдующемъ.

При край-лѣсахъ, на Дулбѣ, собралось до 85 кочевниковъ. Мы помѣщались въ большой тунгусской кожаной юртѣ.

Полъ устланъ оленьими шкурками и мелкими древесными вѣтвями.

Очагъ — шестокъ пылалъ по среди. Было около Филиппова заговенья въ ноябрѣ.

Самъ держа книгу въ рукахъ, я сдѣлалъ знакъ къ молчанію. Тунгусы и юкагиры дотолѣ занятые взаимными привѣтствіями, лобызая другъ друга, подчюя и подчюясь ганзами, затихли. Я началъ объ обязанностяхъ христіанина, избирая нѣкоторыя мѣста. Направо, налево, рядомъ со мною сидѣли два толмача. Я читалъ, они переводили, толковали, изъясняя слова мои на незнакомомъ мнѣ нарѣчій. Чтеніе и толкованіе длилось часа полтора. Вниманіе слушателей было напряженное, неослабное. Когда кончилъ, — уважаемый своими Онторъ (Антовій) Куриловъ отъ имени собранія искреннѣйше благодарилъ меня за проповѣдь, убѣдительно прося и на будущее время не оставлять людей сихъ душеспасительными бесѣдами. Изъ этого я заключилъ, что обитатели тундръ глубокаго сѣвера, не смотря на мнимую кажущуюся суровость свою, одарены теплыми сердцами, склонными къ воспріятію Божьяго слова.

По дѣламъ вѣропроповѣданія, возложеннаго на меня въ добавокъ къ приходскимъ обязанностямъ моимъ, я, будучи на Колымѣ новый, а потому и не зная съ чего начать и какъ приняться за дѣло, ограничился на первый разъ собираніемъ разныхъ необходимыхъ и подходящихъ свѣдѣній. Первѣе всего я обратился къ престарѣлому предмѣстнику моему іерею А. Трифонову, котораго 30-лѣтняя опытность могла быть полезною для новичка. Тоже я не обошелъ и нѣкоторыхъ разныхъ туземныхъ старожилловъ, знакомясь съ ними, расспрашивая, о чемъ надо было. Но самымъ положительнымъ источникомъ такихъ свѣдѣній служила мнѣ оффиціальная переписка по всѣмъ этимъ дѣламъ, сохранившаяся отъ предмѣстниковъ моихъ и находившаяся у меня подъ руками.

Нижнеколымскій край, до появленія здѣсь русскаго элемента, населяли омоки, ходынцы, чуванцы и имъ подобныя племена. Будучи грубыми и невѣжественными, они не имѣли между собою никакой общественной связи, тонули въ разрозненности, вели постоянно междоусобицу, разбойничали, грабили олошныхъ, убивали слабыхъ, полонили женщинъ и дѣтей. Топоры у нихъ были каменные. Пищу варили въ деревянныхъ корытахъ помощію раскаленныхъ камней. Огонь добывали треніемъ. Военное у нихъ орудіе — копье, лукъ и стрѣлы съ костяными остріями. Торговли не знали, сношеній съ цивилизованными народами не имѣли. Мирныя занятія у нихъ состояли въ уходѣ за домашними оленями. Звѣроловство, рыболовство. Любили упраж-

няться въ борьбѣ, бѣганьи. Фехтовались на копьяхъ, стрѣляли въ цѣль изъ лука. Вѣра ихъ — шаманство темное.

Русскіе появились здѣсь въ первой половинѣ XVII вѣка. Они прикочевали сюда на судахъ (кочи) съ моря чрезъ устье р. Колымы и, преданіе гласитъ, имѣли видъ и странный и страшный. Лица у нихъ косматыя, руки извергали молнію и громъ. Это была первая, здѣсь появившаяся, партія нашихъ безугомонныхъ *тимофеевичей*, какъ величаютъ ермаковщину. Партія охотниковъ-добровольцевъ. Въ огонь и въ воду — рады стараться. Пришельцы объявили себя мирными гостями. Ласковость, щедрость, умѣнье держаться — скоро сдѣлали ихъ предметомъ общаго уваженія и любви. Огнестрѣльнаго оружія не было надобности употреблять; но и одно существованіе его уже значило много, задавая тонъ толкамъ и мнѣніямъ. Интересуя туземцевъ дорогими подарками — живыми лоскутками и тому подобными рѣдкостями, приходившимися по уму и вкусу дикарямъ, мирные гости между дѣлами успѣли обострожились. Часовню построили въ 1644 г. и деревянную крѣпостцу. Вотъ починное основаніе Нижнеколымска.

Взаимныя неудовольствія и ссоры сосѣднихъ народцевъ дали благовидный поводъ гостямъ вмѣшаться во внутреннія дѣла. Казацкіе старшины покровительствовали однимъ, обнадеживали другихъ, обѣщали третьимъ. Всѣмъ угождали, надобно сказать, дѣйствительно угодили всѣмъ. Не проливши капли крови, не употребляя ни насилія, ни наглаго, ни низкаго обмана, они водворили въ странѣ миръ, съ тѣхъ поръ ненарушимый.

Удачно безшумно упрочивъ себя, брадатые не удовольствовались началомъ. Шли далѣе. Поднимались выше. Обложили туземцевъ ясакомъ для казны государевой и нѣкоторыхъ окрестили въ русскую вѣру. „Великъ Богъ русскій. Вотъ ваши костянки и наше желѣзо, ваши камни и наша сталь, ваше оружіе и наше. Сравните и вѣруйте“. Такъ проповѣдывали они. Юкагиры вѣровали этой проповѣди, приняли русскую вѣру и русскій языкъ. Съ тѣхъ поръ у мѣстныхъ юкагировъ русскій языкъ и русская вѣра съ примѣсю первобытныхъ разныхъ повѣрій и суевѣрій, что особенно замѣтно въ смутномъ понятіи о перерожденіи душъ. Дѣдушка возрождается во внука, бабушка приходитъ къ кому нибудь изъ родныхъ и возрождается во внука.

Выходитъ, что крестъ воздвигнуть и христіанство стало водворяться въ край одновременно съ появленіемъ здѣсь русскаго элемента. Но откры-

тое язычество еще долго гнѣздилося на Колымѣ. Наши не любятъ насилловать чужую совѣсть, чужихъ душевныхъ убѣжденій. Между тѣмъ обычай крестить мірянъ мірянами на Колымѣ окрѣпъ въ народѣ и существуетъ по нынѣ. Когда объ этомъ дошло до Иркутскаго архіепископа Нила, онъ въ 1846 году предписываетъ мнѣ: обличать и искоренять зло; ибо иногда крестятъ люди, незнающіе даже самой существенной формы сего таинства; да и знающему, кто бы онъ ни былъ, крестить уже не порядокъ, когда сіе можетъ сдѣлать священникъ.

Послѣдующій ходъ распространенія христіанства на Колымѣ не во всѣхъ подробностяхъ извѣстенъ. Однако міряне продолжали крестить первобытныхъ жителей и число присоединенныхъ, съ умноженіемъ въ тоже время русскихъ, постоянно возрастало. Въ началѣ XVIII вѣка, еще до открытія Иркутской епархіи, на Колымѣ уже была святая церковь съ приходскимъ священникомъ. Антиминсъ, за подписомъ митрополита Фотія, въ 1704 году присланъ изъ Тобольска съ оригинальнымъ назначеніемъ „Въ собачій острогъ“. Въ февралѣ 1846 года я развивалъ сей антиминсъ для совершенія Божественной литургіи; а до 1704 года Колымскій край состоялъ въ приходѣ Зашиверскомъ.

Со времени отчисленія Колымской части отъ церкви въ Зашиверскѣ, по 1786 годъ, когда открытъ приходъ Нижнеколымскій, весь нынѣшній Колымскій округъ состоялъ изъ одного прихода и находился въ вѣдѣніи одного приходскаго священника, имѣвшаго мѣстопробываніе свое то въ Верхнеколымскѣ при часовнѣ, то въ Нижнеколымскѣ при часовнѣ же.

Примѣчаніе. Верхнеколымская часовня построена русскими нѣкіими кочами, изъ судоваго лѣса той самой флотиліи, на которой сами прибыли сюда, странное путешествіе совершивъ съ запада на востокъ „горою, лѣсомъ, парусомъ“. Почти невѣроятно? Но я не имѣю права исказать любопытнаго преданія. Кочи то плыли на судахъ, то волокли суда сухимъ путемъ—горою, лѣсомъ. Впрочемъ подобное нѣчто бывало со мною. То лодку перевозили мы, то лодка перевозила насъ.

Независимо отъ священниковъ Зашиверскихъ и Колымскихъ, страну навѣщали священники Якутскіе, которыхъ преданіе именуетъ объѣздными и которые были тоже, что въ наше время походные Якутскіе священники—миссіонеры.

Разсказываютъ еще, что въ 1735—1736 годахъ въ Нижнеколымскѣ

былъ іеромонахъ, состоящій при экспедиціи лейтенанта Лаптева. Его подобіе тоже могъ проповѣдывать слово Божіе и исполнять христіанскія требы.

Изъ всего же усматривается, что отдаленный край, со времени появленія здѣсь русскаго элемента вообще не позабытъ. Туземцамъ предоставлена была постоянная возможность слышать слово Божіе и просвѣщаться.

Окончательное обращеніе туземцевъ въ христіанство послѣдовало между годами 1807—1810. Затѣмъ болѣе некого было обращать ко Христу въ Колымскомъ округѣ. Да и по всей Якутской области, къ этому сроку, вслѣдствіе успѣшнаго старанія Якутской духовной миссіи, язычники вывелись, исключая какихъ нибудь единицъ, случайно обойденныхъ. Самая эта миссія, какъ вполнѣ достигшая цѣли своей, могла бы быть спокойно закрыта. Но въ то время при ней настоятельствовалъ незабвенный, ревностный, доблестный протоіерей Григорій Слѣпцовъ. Образцовый, почти современникъ нашъ, вѣропроповѣдникъ сей, не смотря на преклонность лѣтъ своихъ, ни на предстояшія ему трудности и лишенія, зимою 1811—1812 года, отправился съ словомъ благовѣстія къ чукчамъ—народу и теперь не очень людскому, а тогда и варварскому и дикому. Отецъ этотъ отъ Нижнеколымска къ востоку проникъ на 500 верстъ, достигъ Чавана, первый онъ воздвигъ тамъ крестъ и нѣкоторыхъ чукчей крестилъ. Значить, ему принадлежитъ починъ святаго дѣла; онъ имѣлъ починный успѣхъ и de facto указалъ, что надо дѣлать дальше. Къ сожалѣнію, походъ сей былъ послѣднимъ подвигомъ на апостольскомъ подвижничествѣ мужа-старца. По возвращеніи изъ чукотціи, онъ выѣхалъ въ Якутскъ, гдѣ затѣмъ и остался навсегда.

На мѣсто протоіерея Слѣпцова, умершаго іеромонахомъ въ Спасо-Якутскомъ монастырѣ, въ званіи проповѣдника къ Якутской духовной миссіи, направленной въ чукотскій край, въ 1816 году поступилъ А. Трифоновъ, священникъ Нижнеколымскій. Онъ ежегодно видался съ чукчами въ Анюйской крѣпостицѣ, 250 верстъ отъ Нижнеколымска, во время выхода чукчей сюда къ нашимъ купцамъ для торговли. Здѣсь о. Трифоновъ благовѣствовалъ чукчамъ слово Божіе и такимъ образомъ подготавливая ихъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ вѣроповѣдническимъ. При семъ священникѣ возникъ, енархіальнымъ начальствомъ формально высказанный, вопросъ объ отысканіи возможности проповѣдывать слово Божіе чукчамъ въ самыхъ мѣстахъ постоянно ихъ жительства и объ устроеніи тамъ церкви. Но тогдашнія об-

стоятельства еще не были зрѣлы. Чукчи вели себя уклончиво. Примѣръ Слѣпцова казался исключительнымъ, вызваннымъ особенною душевною волею энергичнаго старца, и потому не былъ побудительнымъ къ подражанію. По крайней мѣрѣ о. Трифионовъ, при всемъ своемъ желаніи (онъ живо чувствовалъ неудобство и недостаточность проповѣди на суетливой краткосрочной ярмаркѣ), не имѣлъ случая посѣщать чукчей въ ихъ постоянныхъ мѣстожительствѣхъ. Предположеніе устроить церковь оставалось почти въ угасающемъ состояніи, не переставая быть лишь въ мысли миссіонерской.

Духовное начальство не забывало чукчей при Трифионовѣ, заботясь о сближеніи ихъ съ русскими въ духѣ православія. Преосвященный Михаилъ епископъ Иркутскій въ 1816 г. почтилъ ихъ непосредственнымъ отъ своего имени пастырскимъ посланіемъ. Свидѣтельствуя о безсмертіи души, о воскресеніи, о судѣ, о правдѣ, о жизни будущаго вѣка, о вѣчномъ мученіи, о царствіи небесномъ, — архипастыръ напоминаетъ чукчамъ про испорченность и порочность натуры человѣческой, склонной къ дѣланію зла; убѣждаетъ обновиться вѣрою въ Господа, единаго посредника между человѣками и Богомъ, пріемлющимъ всѣхъ обращающихся къ Нему чрезъ пострадавшаго за мірскій животъ и спасеніе; желаетъ имъ мирнаго общенія со счастливыми росіянами и посылаетъ имъ поклонъ, моля Спасителя, да просвѣтитъ Онъ умъ и разумѣніе народа сего къ познанію Отца небеснаго чрезъ принятіе святаго крещенія. Въ посланіи чукчи именуются — благородные.

Въ другомъ отношеніи чукчи знакомы намъ уже болѣе 200 лѣтъ. Ихъ впервые увидали русскіе при устьи рѣки Колымы. Кочевой отрядъ нашихъ охотниковъ (добровольцевъ), командированный для обозрѣнія странъ и народовъ, здѣсь повстрѣчался съ людьми, привыкшими нападать. Но дерзость и мужество, косянки и ружья не имѣли равенства. Послѣ первыхъ же попытокъ схватиться, тайнымъ ужасомъ объятые, дикари, цугая другъ друга разказами о косматоллицыахъ огневержцахъ, бѣжали въ глубь своей страны. Спасая себя, чукчи со своими стадами удалились въ Чаванскую страну и оставили Омоковъ въ покоѣ, дотолѣ угнетенныхъ ими.

За бѣглецами на поиски отправился атаманъ Дешневъ. Командуя семью судами, имѣя при себѣ омоковъ толмачами-вожаками, смѣлый казакъ этотъ выступилъ въ море черезъ правое устье рѣки Колымы. Къ несчастію экспедиціи, большая часть судовъ потерпѣли крушеніе отъ гибельныхъ льдовъ и морякъ нашъ лишь съ двумя только судами едва добрался до мыса Эррель (Шелагскій мысъ). Было не до покоренія чуди. Атаманъ однако же съ

честію выпутался изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Мирнымъ гостемъ назвался; дарилъ стеклярусъ, пуговики, иголки и, вспомошествоваемый самими туземцами добродушными, пробрался моремъ на рѣку Анадырь. Это событіе относится къ 1648 году. Сохранился рапортъ Дешнева. О случившемся онъ доноситъ по начальству.

Послѣ Дешнева посѣщали чукчей: военная экспедиція маіора Павлудскаго и нѣкогда Ибакланику, она побита на-голову, вслѣдствіе чего и былъ закрытъ Анадырскій острогъ въ половинѣ XVIII столѣтія. Купеческая экспедиція Шалаурова, состоявшая изъ 80 человѣкъ, которые все погибли во время зимовки на урочищѣ Дялѣранъ 90 верстъ восточнѣе Шелагскаго мыса, кромѣ двухъ мальчиковъ, брр. Мурзиныхъ, которые взяты чукчами въ плѣнъ живые, вѣкъ XVII. Берингъ, Биллингсъ, вѣкъ XVIII. Слѣпцовъ и Врангель, первая четверть XIX вѣка.

Независимо отъ сего, въ 1785 году въ Колымской сторонѣ установились болѣе правильныя сношенія съ чукчами, и какъ же?

Колымскій нынѣшній округъ составлялъ тогда часть Зашиверскаго комисарства, Коммисаромъ (исправникъ) былъ нѣкій Баннеръ. Ему пришла на сердце мысль—имѣть пріятелей на Чаванѣ.

Дѣйствуя чрезъ преданныхъ ему чаванцевъ и одного коряка, облагодѣтельствованнаго имъ, добрый Баннеръ, въ видѣ хлѣбосольца, послалъ почетнѣйшимъ на Чаванѣ чукчамъ десять папугъ листоваго табака, двѣ горсти стекляруса, нѣсколько иголь, пару ножей и одинъ котель, предлагая чукчамъ выйдти въ Юкагирскія стойбища за полученіемъ новыхъ гостинцевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для мѣны товаровъ.

Обрадованные присылкою, прельщенные заманчивымъ посуломъ, чукчи вышли на рѣку Ангарку (по большому Анюю, отъ Нижнеколымска 400 верстъ), остались откровенно довольны и съ тѣхъ поръ не перестаютъ къ намъ выходить. Успѣхъ Баннера одобренъ высшимъ начальствомъ и для поддержанія чукчей въ мирномъ направленіи, до того опасныхъ и вредныхъ, даже ассигнована отъ казны особая сумма на подарки имъ, на пріемъ и угощеніе ихъ—пятьсотъ рублей ассигнаціями.

Экспедиціи, торговля, духовная миссія, приласканіе подарками, все это направлено къ одному. Къ смягченію суровыхъ чукотскихъ нравовъ, къ мирному сближенію чукчей съ русскими. Но дѣло шло довольно медленно и туго.

Въ годъ прибытія моего на Колыму, я нашель что? Старожилы Нижнеколымскіе питали общую, отъ предковъ унаслѣдованную недовѣрчивость къ чукчамъ и предубѣжденіе, имѣющее основаніемъ своимъ, конечно, безпкойное поведеніе послѣднихъ и убійственныя набѣги ихъ на Колыму, о чемъ преданіе еще свѣжо въ народѣ. Добрые люди, за исключеніемъ весьма немногихъ развѣ, имѣвшихъ сношеніе съ чукчами какъ бы украдкой отъ своихъ, не напускались ѣздить въ чукотскія стойбища, разсуждая: „разумное ли дѣло довѣряться звѣрямъ; олени не товарищи волкамъ“ И ѣдучимъ чувствомъ симъ настолько пропитанъ былъ народъ, что даже къ устью р. Колымы безбоязненно стали колымшане приближаться (для рыбнаго промысла) лишь съ 1821—1822 года, когда экспедиція Врангеля хоть нѣсколько прояснила, отуманенныя печальною стариною, понятія колымшанъ. Опасаясь повторенія бывалыхъ бѣдъ, боялись прокладывать ненадежнымъ сосѣдямъ путь къ себѣ. Что до чукчей,—они не осмѣливались приближаться къ Колымѣ, а къ Колымскому устью и тѣмъ паче. Ближе, чѣмъ на 250 верстѣ, не подходили. Ихъ страшила возможность заслуженной отплаты за старые грѣхи. Въ русскомъ миролюбіи они, судя конечно по себѣ, подозревали коварство. И чаванскіе старики твердили новому поколѣнію: „не ходите оленямъ съ волками,—кровь прольется; не жить вамъ съ русаками, бѣда стрясется“. Общеніе ограничивалось до 1812 г. рѣкою Ангаркою, а съ 1812 года Анюйскою крѣпостцею. Чукчи заявлялись сюда съ отточенными копьями, съ полными тулами стрѣлъ. А русскіе обезпечивали себя казаками и страшными за невѣрность и измѣну горными ламутами.

Общее число чукчей полагали въ 5—7 тысячъ, но кто же ихъ пересчитываль? Нѣтъ сомнѣнія, что они значительно численнѣе.

Народъ сей несовершенно подданный Россіи. Составляютъ особый разрядъ въ государствѣ. Законы наши у чукчей не имѣютъ значенія и силы. И чтобы тамъ ни творилось въ кочевьяхъ,—правительство не вмѣшивается въ ихъ дѣла внутреннія.

Прошли столѣтія, какъ мы узнали чукчей, пройдутъ и еще столѣтія и народъ этотъ останется—*status quo ante* за долго на долго. Климатъ и географія и почва края не могутъ скоро измѣниться и чукчи останутся чукчами, еще пожалуй на тысячу лѣтъ, или нѣсколько меньше.

Мрачное шаманство является тамъ во всей грубости и дивныхъ образахъ крайняго невѣжества.

Жизнь чукчей, какъ народа, преимущественно поддерживается инстинктивнымъ, бессознательнымъ и слѣпымъ чувствомъ независимости и дикой звѣриной воли; слѣпымъ бессознательнымъ, звѣринымъ пристрастіемъ къ своему и недовѣрчивостію къ чужому, безъ разбора.

Отдаленность, труднодоступность, жалкая въ физическомъ и нравственномъ отношеніи бѣдность чукчей и чукотскихъ мѣстожительствъ, въ отношеніи географическомъ и климатическомъ, дѣлаютъ ихъ въ теченіе столѣтій независимыми, самостоятельными и, такъ сказать, самобытными.

А чукча доволенъ собою и предоволенъ. О лучшемъ не мечтаетъ онъ, потому что ничего лучшаго на свѣтѣ не знаетъ онъ. И не можетъ онъ нахвалиться родною своею землею.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Предлагаемая статья написана не нынѣ, а въ 1857 году и тогда же она, съ дозволенія цензуры, была напечатана. Нынѣ я только поспладилъ шероховатость слога, ничего существенно новаго самъ не прибавляя къ прежнему изданію.

2. Нижнеколымскъ первоначально основанъ былъ при протокѣ р. Колымы, верстахъ въ 30 къ сѣверу отъ своего нынѣшняго мѣста, на которое онъ перенесенъ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Убогое это селеніе (Нижнеколымскъ) нынѣ находится собственно не на материкѣ, а на островѣ, имѣющемъ стоверстное протяженіе. На лѣвомъ берегу рѣки Колымы, которая тутъ 3¹/₂ версты ширины и до девяти аршинъ (подледной) глубины. Насупротивъ Нижнеколымска за рѣкою, къ полуденной сторонѣ отъ селенія, виднѣются устья большаго и малаго Анкя. Въ отдаленіи, на востокъ и югъ синѣютъ обнаженныя горы—гольцы. Стоитъ это убогое селеніе на низкой плоскости, затопляемой весеннимъ водоразлитіемъ. Кругомъ—болото, лѣсъ и озера.

3. Близость моря (120 верстъ) способствуетъ въ зимнее время къ умѣренію холода, а въ лѣтнее—къ умѣренію зноя. Умѣреніе это происходитъ отъ неизсякаемой сырости. Для растительной и животной жизни выгода отъ него не велика, а для народнаго здравія и никакой выгоды санитарной нѣтъ. Воздухъ въ низменностяхъ отзывается удупливою гнилью, а въ горахъ онъ проникателенъ. Истребительныя